

Joel Haahtela

PERHOSKERÄÄJÄ

Йоэл Хаахтела

СОБИРАТЕЛЬ БАБОЧЕК

Роман

Перевод с финского
Ивана Прилежаева

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.511.111
ББК 84 (4 Фин)
X12

Оформление серии Е. Кузнецовой

ISBN 978-5-7516-1575-8

Copyright © Joel Haahtela, 2006
First published in 2006 by Otava Publishing Company
as *Perhoskeräjä*.
Published in the Russian language by arrangement
with Rights & Brands

© Иван Прилежаев, перевод, 2012

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2019

Иоакиму и Вере

I

Третьего апреля 1991 года мне пришло письмо, в котором сообщалось, что я получил наследство. Я перечитывал письмо снова и снова, будучи совершенно уверен, что никогда не знал человека по имени Генри Ружичка. Произошла ошибка, другого объяснения быть не могло.

На следующее утро в самом начале десятого я уже шел в адвокатскую контору, от имени которой было отправлено извещение. Я перешел через улицу Тунтурикату и, пересекая островок парка, ощутил на лице капли, падающие с деревьев. Ночью шел дождь, тротуары были мокрыми, в воздухе безлюдного парка стояла легкая дымка. В это утро все, казалось, немножко сдвинулось со своих мест, чуть-чуть отделилось от мира — хрустящий под ногами гравий, ветви, с которых

стекала вода. Да и сам я был лишь каким-то очертанием себя, едва-едва существующим, силуэтом на пустынной улице.

До назначенной встречи оставалось время, и я прошел по дороге, огибающей залив Тёёлё, на улицу Линнунлаулутиэ, оттуда через железнодорожный мост спустился по Эляйнтархатие к бухте, где на минуту остановился поглядеть на торчавший из-под льда, наполовину затонувший деревянный катер. Я смотрел на вылинявшие занавески в цветочек, которые свисали из окон каюты, оранжевые с зеленым, на серебристый передний кнехт, палубу с отслоившимся лаком, выступающий из воды борт с синей полосой. Рассматривал уже местами порванные, провисшие канаты, которыми судно будет цепляться за деревянные сваи, когда лед в конце концов растает и катер окажется на плаву — до тех пор, пока что-то в нем не сломается окончательно. Я думал о летних днях, проведенных кем-то на этом суденышке, о том, как ровно оно шло, разрезая воду, как его нос вновь и вновь вздымался среди волн, о брызгах, бьющих в стекло каюты, о тишине, которая оглушила, когда судно стало на якорь у острова, о скрипе каната, о снах, ви-

денных в этой каюте, может быть счастливых. Я силился понять, почему о судне вот так позабыли. Даже закоптившийся флаг — на нем уже с трудом можно было различить герб клуба, к которому приписан катер, — был оставлен на своем месте за сиденьем, он горестно свисал жалкой тряпицей.

Я продолжил путь на улицу Марианкату, где на доме девять, что напротив небольшого продуктового магазина, на двери висела табличка адвокатской конторы. Мгновение я колебался. Замер перед дверью и не мог отогнать картину, стоявшую перед глазами: два человека, освещенные солнцем, катер, море, последнее лето, безмолвие между ними. Я видел их замедленные движения, но не слышал голосов. Они были слишком далеко, свет — слишком слабым, его края пригорели к пейзажу. Снова начался дождь, и звук капель наполнил улицу, в ветре еще чувствовалось дыхание зимы. Я сунул руку в карман куртки и нащупал предметы, скопившиеся на дне: зажигалку, монеты, скрепки, обрывки чека. Я обследовал другой карман, письмо по-прежнему было там. Я вынул его, чтобы прочесть снова, но в этот момент ветер метнул капли на бумагу, и чернила начали расплываться.

Адвокатом оказалась женщина лет сорока, ее волосы были стянуты в пучок. Темная шерстяная юбка спускалась ниже колен. Она пригласила меня сесть за стол и сказала, что человек по имени Генри Ружичка оставил мне наследство. По завещанию она была душеприказчицей. Наследство включало дом, а также деньги на счете в банке. У Генри Ружички не было живых родственников, поэтому единственным наследником оказался я.

Я слушал женщину и ощущал аромат только что срезанных цветов. На подоконнике стоял букет красных роз. Я сказал ей, что это очень странно. Я никогда не знал человека по имени Генри Ружичка и, очевидно, произошла ошибка, или же это чья-то шутка. Я никак не мог понять, кто стал бы разыгрывать меня, поэтому предположение об ошибке представлялось более вероятным. Женщина покачала головой и сказала, что никакой ошибки нет. У нее имеются все документы. Она встречалась с этим мужчиной прошлой осенью. Теперь он умер.

Женщина сказала, что Генри Ружичка обратился к ней в октябре прошлого года и сообщил, что хочет составить завещание. Они

виделись лишь однажды. Генри Ружичка рассказал, что у него нет ни детей, ни братьев, ни сестер и что он ничего не знает о других возможных родственниках. Его отцом был Михаль Ружичка, который, согласно документам, умер в Лейпциге в 1938 году, а мать — Анетт Ружичка, скончавшаяся в Вероне в 1937-м.

Генри Ружичке было восемьдесят лет. Он имел финское и немецкое гражданства и, по словам адвоката, жил в Финляндии уже многие годы, с конца семидесятых. В течение всей встречи они разговаривали на немецком.

Когда я спросил, почему Генри Ружичка пожелал оставить наследство мне, женщина не нашлась что ответить. Завещатель не много сообщил о своей жизни. Адвокат сказала, что и сама удивлена, что я не знаю Генри Ружичку. Она полагала, между нами существовала какая-то связь или мы были друзьями. Она сказала, это довольно обычное дело, когда одинокие люди составляют завещание в пользу какого-нибудь фонда, но завещание на имя совершенно незнакомого человека большая редкость. На ее памяти было всего несколько таких случаев. Генри Ружичка

не сообщил ей причины. Он написал имя и адрес на небольшой почтовой открытке, и ничего другого у нее не было: только имя и адрес.

Мы долго сидели молча. Женщина заполняла бланки, ручка скрипела по бумаге. Я мысленно рисовал образ Генри Ружички в этой же комнате, пытался представить его голос. Я перебрал в памяти всех мужчин по имени Генри, встреченных мною в жизни, их оказалось двое. Ни один не мог быть Генри Ружичкой. Я изучал немецкий язык по служебной необходимости и однажды ездил в Германию, но был уверен, что не встречал его там. Когда я спросил у адвоката, как мужчина умер, она на минуту прекратила писать и сказала, что, по ее сведениям, он скончался дома от сердечного приступа. Почтальон нашел его через неделю после кончины, заметив, что почтовый ящик переполнен корреспонденцией. Запечатанный конверт с завещанием находился в кармане у Генри Ружички в момент его смерти и был немедленно доставлен адвокату. Женщина замолчала, снова взяла ручку и сказала, что нам надо соблюсти некоторые формальности; и когда мы перешли к завещанию, мысли мои были

далеко, мне было трудно сосредоточиться, запах роз плыл по комнате, кто-то скрывался в тени незнакомого имени, целая жизнь.

Мы закончили дела к одиннадцати часам, и адвокат спросила меня, что я собираюсь делать. Я ответил, что еще не знаю, мне нужно подумать, обещал позвонить ей в ближайшее время. Она сказала, что лучше назначить встречу сразу. Женщина улыбнулась мне, мы простились. Я спустился по лестнице на улицу и на остановке сел в трамвай, который шел через весь город. Мокрые от дождя стены домов блестели, пешеходы жались к ним, ища защиты от воды, склонялись, как будто просили пощады. Около Стеклянного дворца произошла авария. Трамвай медленно выплывал на перекресток мимо скопившихся машин, люди сбежались к месту происшествия, пассажиры тянули шеи, чтобы получше все рассмотреть. Мужчина впереди меня прижался лбом к окну и еще долго после того, как мы проехали злополучное место, оставался неподвижен. Его лицо, отразившись в стекле, раздвоилось; как если бы у каждого из нас было две жизни.